

Наталья Савушкина

ЦАРСКОЕ ДЕЛО

Повесть

Иллюстрации Екатерины Песчанской

Москва **КомпасГид**
издательский дом
2019

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С13

Савушкина, Наталья.

С13 Царское дело : повесть : [для мл. шк. возраста : 6+] / Наталья Савушкина ; ил. Екатерины Песчанской. — М. : КомпасГид, 2019. — 168 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-532-6

Заканчивается первый класс, завтра летние каникулы. Но Тае не до веселья, и даже любимый торт «Птичье молоко» не радует — ведь она его не заслужила. Не потому, что дневник, полный стройных и гордых пятёрок, портит одноногая четвёрка по математике. И не потому, что обидела двоюродного брата (он вообще первый начал, только ему всё сходит с рук!). А потому... нет, Тае даже рассказать стыдно, что она натворила!

Но за три месяца столько может произойти — вдруг к осени всё как-нибудь решится само собой? Впереди у Таи целое лето в деревне, с дедушкиными самоделками и бабушкиными пирожками, со старыми и новыми друзьями, тайна заброшенного дома, детективное расследование, непростой выбор и первое настоящее горе. А ещё ей предстоит выяснить, что же это такое — царское дело и как его исполнять, а это тоже непросто. И хотя сама собой не решается ни одна проблема, Тая поймет, что в её силах со всем справиться.

Наталья Савушкина (родилась в 1976 году) долгое время работает главным библиографом в Российской государственной детской библиотеке и широкой публике известна прежде всего как талантливый литературный критик. Её писательский дебют в издательстве «КомпасГид» — повесть «Царское дело» с иллюстрациями молодой художницы Екатерины Песчанской.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-532-6

© Савушкина Н. К., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Часть 1

ВИШНЁВЫЕ ТУФЕЛЬКИ

1. ЖАРКИЙ ДЕНЬ НА ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ

Конец мая — счастливое время. Скоро закончатся занятия в школе, впереди будут только отдых, деревня, любимые книжки и велосипед!

Тая сидит на турнике у школы и болтает ногами в вишнёвых туфельках. Это её первые «лодочки», купленные специально к первому классу. Мама сказала:

— Теперь ты уже взрослая. Тебе нужны настоящие кожаные туфли.

Они пошли в «Детский мир» и купили вишнёвые, со сладковато-горчащим запахом, туфли. Вокруг узкого носа — декоративные дырочки, словно крошечный дятел клювом продолбил. Сбоку — ремешок с круглой серебряной застёжкой. И всё, никаких украшений.

— Деловая обувь должна быть сдержанной, — объяснила мама и убрала туфли в коробку, дожидаться первого

сентября. Время от времени, раза три за день, Тая украдкой глядела на коробку-сокровищницу, представляла себе день выхода в деловой обуви. Как же хотелось, чтобы он поскорей наступил и на ногах заблестели лодочки — Таин пропуск во взрослую жизнь!

Это было почти год назад... Неужели Тая когда-то не была школьницей? Трудно поверить, что не было в её жизни форменного коричневого платья и чёрного фартука, в карманах которого так удобно хранить записки и резиночку.

На улице до одурения пахнет тополиными почками. Жарко. Тая откидывает на спину косу с коричневым бантом, осматривается. Немного тени есть на другом конце площадки. Но там играют мальчики — значит, туда идти не стоит. Что ж, высокий турник — подходящее место для взрослого человека в деловой обуви. Можно посидеть и подумать о своём, о взрослом.

Тая ещё раз напомнила себе то, во что было сложно поверить: она больше не первоклашка! Завтра — последний день занятий, а потом наконец-то рукой Инны Семёновны будет заполнена строчка в дневнике: «Переведена в ... класс». Во второй! Тая ликует. Никто теперь не скажет, как долговязый выпускник, в которого она вчера влетела: «Брысь, малявка!» Ещё один день, и жизнь станет совсем взрослой. Всего только день! А послезавтра продуваемая ветерком

электричка помчит её в деревню, навстречу велосипеду, белёной печке и коту Мурзику.

— Алло, Потапова! — Мишка стоит внизу и, как всегда, улыбаясь, смотрит на Таю. — Ты что там делаешь на верхотуре? Гнездо вьёшь?

Мишка — самый смешливый в классе и самый добродушный. У него со всеми хорошие отношения. Девочки уважают его за то, что он с ними дружит. Ну а среди мальчиков Мишка самый сильный, так что не уважать его никто не пробовал. Полноватый, с круглым улыбающимся лицом, он похож на Деда Мороза, если только Дед Мороз бывает рыжим. Мама говорит про Мишку: «Положительный мальчик. Весёлый, но умеет держать себя в руках. Как взрослый».

А ещё Мишка вечно всех мирит. Когда Тёма Бутылкин дверь прищемил ногу Горбунковой и она вопила как резаная, Мишка сумел помирить их до того, как в класс пришла Инна Семёновна. А то бы несдобровать Бутылкину! Инна Семёновна, когда девочек обижают, ух, какая строгая! Но Бутылкин не привык оставаться в долгу, и потом Горбункова получила бы сполна. Ведь он прищемил её не со зла, а не-ча-ян-но! Горбункова таких вещей не понимает. Она вообще мало в чём понимает, кроме причёсок. А Мишка очень даже понимает и всех мирит.

В общем, Мишка молодец. Он и сейчас пришёл на переговоры. Мальчишки играют в фантики — шлёпают слегка согнутой ладонью по обёрткам от жевательной резинки. Сначала один игрок бьёт по фантикам, потом второй. Победителю каждого кона достаются те фантики, которые перевернул он, но не смог перевернуть соперник. Фантики, перевёрнутые или не перевёрнутые обоими игроками, остаются на кону. Страшно хочется отвоевать фантик соперника, но и свой страшно потерять. В один день случается стать богачом или нищим.

Играют на иностранные фантики. Заграничная жвачка одета в несколько слоёв яркой глянцевой бумаги: внешняя обёртка — раз, вложенный комикс, «вкладыш» — два. Вкладыши ценятся даже больше обёрток.

Всё это богатство можно ставить на кон и выигрывать. Или проигрывать, это уж как повезёт.

Игрой в фантики увлекается вся начальная школа, но у девочек своя компания, у мальчиков — своя. А теперь, видно, кто-то из мальчишек сорвал невиданный куш, выиграл всё у всех, и больше никто не может с ним состязаться. А тут — Тая на турнике. Вот Мишку и послали к ней...

— Фантики есть?

— Есть, — сказала Тая и прыгнула с турника.

— Раз есть, так пошли, — Мишка приглашающе махнул рукой.

Тая достала из кармана своё богатство: фиолетовую обёртку от жвачки, но не простую, а вдвое длиннее обычной. Такие редкие фантики называются «дабл», то есть «двойные». Против них могут поставить два обычных, а то и три. Сыграв на «дабл», можно сразу резко увеличить свои богатства. Но это — если выиграешь. А если нет?

Тая вздохнула. Фантики доставались непросто, в обмен на что-то. Родители многих одноклассников привозили из-за рубежа большие упаковки жвачки. Ребята жевали резинку, а в фантики играли или обменивали их на конфеты, мелкие игрушки, значки. Заграничные командировки взрослых — редчайшая редкость и невидаль, но только не для Таинных одноклассников. С ней учатся дети со всей Москвы — такая уж знаменитая их школа, с углублённым изучением языков. Похоже, в первом «А» собрались как раз те, кто часто провожает родственников в другую страну. А Тая школу не выбирала, она просто живёт рядом. За границу когда-то ездил дедушка Митя, капитан дальнего плавания. Но это было давно, когда Тая еще не училась и об игре ничего не знала.

В последний раз она получила «дабл» в обмен на пластмассового льва, который почему-то был зелёным. Из-за этого ненатурального цвета Тая льва не любила. Но грива

глупого зверя была густая, длинная, и Горбункова с радостью ухватилась за фантастическое животное. «Беру для своей парикмахерской! — объявила она. — Из такой шевелюры получится шикарная стрижка „каскад“», — и сунула льва в портфель гривой вниз.

Льва было немного жалко, потому что дедушка привёз его из плавания. Но времени прошло уже много, и лев из диковинного подарка превратился просто в старую игрушку. Тая смутно помнила, как получила её, — давно-давно, когда ей ещё не был мал синий сарафан с олимпийским мишкой. Помнила дедушкину квартиру с большими часами, бьющими каждый час тоненьким серебряным голоском: «Тянь-тинь-тинь!» На столе — круглый аквариум, на книжной полке раскинула пять лучей огромная, в половину Таиной руки, высушенная морская звезда. Тая раньше не знала, что морские звёзды шершавые на ощупь. Она представляла их гладкими, гибкими и яркими. А эта, бурая и жёсткая, стояла понуро, будто новогодняя ёлка после праздника — колючая и неживая. Тая очень давно не виделась с дедушкой, слишком далеко он живёт. А лев всегда передавал ей привет от него, как раз из того дня, когда она стояла на жёлтом паркете в дедушкиной комнате.

Дедушка невысокий, но очень крепкий. Поднимает маленькую Таю под потолок, под люстру с висюльками-капельками.

От него пахнет табаком: хоть и горько, резко, Тая морщится в шутку, но она привыкла к запаху, привезённому из дальних странствий. Дедушка курит трубку. Он смеётся, целует маленькую Таю, а она хохочет и вырывается: усы остро пахнут, колются, как морская звезда... Да, жалко дедушкиного льва, которого пришлось обменять на фантик, и обидно будет теперь этот фантик проиграть. Но завтра Тая уедет в деревню, где совсем другие игры. «Дабл» просто необходимо разыграть сейчас.

Мишка раздвигает высокую сухую траву и подводит Таю к трём ребятам, сидящим кружком на бетонной плите. Плита не очень ровная, шероховатая, отмечает про себя Тая. Играть будет непросто. Над плитой склоняются ветви каких-то кустов — не то боярышник, не то ещё что-то, Тая не знает названия. Сквозь них солнце не так печёт, и она с облегчением вдыхает сыроватый прохладный воздух.

— Что хочешь за «дабл»? — спрашивает Тёма Бутылкин, увидев Таин фантик. Спрашивает небрежно, но в глазах загорается огонёк. Глаза у Тёмы чёрные, и, когда его что-то волнует, в них начинают светиться золотые искры. Вот и сейчас сразу понятно, что ему очень хочется получить «дабл». Да и кому не хочется!

— А что у тебя есть? — Тая не собирается продешевить.

Тёма показывает, что осталось от предыдущих сражений: два вкладыша от неизвестной жвачки и один «Дональд». Два

неизвестных — ничего особенного, Тая даже не успевает их рассмотреть. Но «Дональд»... На нём ярко-жёлтые утки в синих пиджачках бегут, весело переговариваясь. Комикс на блестящем листочке — будто послание из другого мира, где дети смотрят яркие мультики и жуют сладкую жвачку. Осколок прекрасной далёкой жизни — так близко, на школьном дворе, под ветками неизвестных кустов.

Глаза у Таи светятся тем же огнём, что у Тёмы, — она этого не знает, чувствует только, как горят щёки и трудно дышать. Она выдыхает:

— На все! — и уже сквозь непонятно откуда взявшуюся пелену перед глазами видит, как ребята уговаривают Тёму поставить все три фантика, как он соглашается, выкладывает их на шершавую плиту. Тая смотрит только на «Дональда». Она должна выиграть!

Тёма деловито засучивает рукава, потирает руки и... Раз! Два! Три! Четыре! Он бьёт не останавливаясь, и Тая не успевает сообразить, что произошло. Она стоит в растерянности, и туман перед глазами сгущается. Может, она перегрелась на солнце? Нет! Просто все фантики, как по волшебству, вспархивают под Тёминой рукой и, перевернувшись в воздухе, плавно опускаются картинкой вниз.

— Ну чего стоишь? Теперь ты бей! — Тёма доволен, его тёмные глаза смеются: фантики, которые не перевернёт Тая,

достанутся ему. За каждый перевёрнутый будут играть ещё раз. Но Тёме не страшно, у него рука набита.

Тая встаёт на колени перед бетонной плитой, медленно убирает со лба выбившиеся из причёски волосы. Протягивает согнутую ладонь к «Дональду», но, подумав, всё-таки отводит её к безымянному вкладышу. Начинать, так уж с самого простого, чего не жалко...

Бац! Подушечки пальцев больно ударяются о каменные пупырышки на плите. Лёгкий фантик едва взлетает и опускается на место картинкой вверх.

— Мимо! Давай следующий! — кричат ребята.

Ещё удар! Тая смотрит широко открытыми глазами, но всё же не сразу понимает: второй простенький вкладыш лениво приподнимается и тоже ложится на плиту неперевернутым.

— Мимо! Третий давай! — ребятам, похоже, приятно, что она «мажет».

Тая вытирает вспотевшие ладони о фартук, сглатывает. Мальчишкам хорошо, они сидели здесь не меньше часа, тренируясь на шершавой плите. А она только что с солнцепёка, не привыкшая, с негнущимися от волнения руками. Вокруг всё исчезло, только сияет перед взволнованной Таей «Дональд», а со всех сторон наплывают радостные физиономии мальчишек. Высовываются из-за плеча, подступают сбоку, заглядывают в лицо, наперебой кричат:

— Бей, давай! Скорее!

«Если я сейчас не переверну его, это конец», — думает Тая и, ещё раз вытерев ладони о фартук и почти зажмурившись, в отчаянии сильно бьёт два раза: по своему «даблу» и, не переводя дыхание, — по «Дональду». Шум и кружение физиономий прекращаются: она сидит с закрытыми глазами.

«Выиграла или нет?» — думает Тая, но не решается посмотреть на серый бетон. Ей кажется, что прошли уже годы с тех пор, как она ударила по фантикам. За эти годы ничего страшного не произошло, и Тая начинает надеяться. Она успевает подумать ещё и так: «Если перевернула один, то пусть это будет „Дональд“».

Но тут её раздумья кончаются, она слышит дружный крик мальчишек:

— Мимо! Мимо! Проиграла! — и громче всех, разрывая барабанные перепонки, звучит голос Тёмы Бутылкина: — Мазила! Ма-зи-ла! МА-ЗИ-ЛА!!!...

Тая вздрагивает и открывает глаза. Тёма подобрал фантики, складывает их вместе в стопку, и она топорщится неровными бумажными уголками. Мальчишки одобрительно хлопают его по плечу, смеются. Хохочущей гурьбой они обходят плиту и идут мимо Таи, не замечая её. Только один у неё за спиной наклоняется, чтобы крикнуть в самое ухо: «Мазила!», и исчезает вместе с другими в зарослях неизвестных кустов.

Тая остаётся на коленях перед плитой. Солнце припекает, оно добралось и до этого островка прохлады. Пахнет тополиными почками и ещё чем-то сладким, исключительно майским, — никогда больше не бывает растворён в воздухе такой аромат. Позади зарослей смеются и болтают: закончились занятия у старших классов. Школьный двор наполняется голосами.

В Таинной голове звон, и мысли совсем не такие, как обычно: вроде бы это думает Тая, а вроде бы и нет. Настоящая Тая Потапова осталась сидеть в тишине, зажмурившись после удара по вкладышам. А всё, что случилось потом, — страшный хохот вокруг, стукнувшая её, словно камень, новость о проигрыше, — всё это случилось не с ней. Такое просто не могло случиться с Таей! Настоящая Тая встаёт и начинает отряхивать платье от пыли. Но сквозь звон в голове пробивается мысль, от которой не спрячешься: «А как же дедушкин лев? Получается, я отдала его, чтобы какой-то Тёмка Бутылкин добавил фантик в коллекцию?»

Эту несправедливость выдержать уже невозможно! Тая шлёпается обратно на землю и плачет, уткнув растрепавшуюся голову в пыльные ладони.

2. ГОРДОСТЬ КОЛЛЕКЦИИ

Кто-то трогает Таю за плечо.

— Тай... Послушай, Тая! — Мишкин голос звучит даже ласково. — Ну, ты очень-то не расстраивайся... — произносит он и умолкает. Какие уж тут утешения?

Тая всё ещё всхлипывает, но вяло. Вокруг лба и на висках у неё вьются лёгкие прядки волос, не доросшие до того, чтобы улечься в косу. Тая решительно встряхивает головой, подводя черту под всей этой плаксивой историей, и кудряшки на висках одобрительно качаются, вторя её движению.

— А я и не расстраиваюсь, — Тая гордо поднимает подбородок. — Нужен мне его жалкий «Дональд»! Там и смотреть не на что. У бабушки в деревне ребята знаешь какие вкладыши привозят... Закачаешься, — Тая чувствует, что слёзы опять подступают к горлу, и делает отчаянную попытку не расплакаться. — Вот осенью посмотришь, сколько я фантиков привезу! — говорит она шёпотом и поскорее лезет в карман за платком — маленьким розовым платочком

в клеточку, который мама обвязала по краю белыми кружевами. Он сейчас понадобится...

Мишка смотрит на Таю: она всё еще сидит на земле, и ему сверху видна её каштановая макушка, где начинается коса. Таковую причёску носит половина девочек в классе, и всё-таки Таина — особенная. Может быть, из-за кудряшек на висках? Мишка сам толком не знает, что особенного в её волосах. Но сейчас, когда под ярким солнцем они отливают золотом, почему-то совершенно ясно, что Тая не такая, как все.

— Слушай, Потапова, — Мишка спохватывается, что почти упустил самое главное, и от поспешности называет Таю, как привык в школе, по фамилии. — Чуть не забыл: приходи ко мне на день рождения. В августе, перед школой. Придёшь?

— В а-августе? — Тая всё-таки поднимает голову. — Да это же нескоро. Ты бы ещё на Новый год меня пригласил! Май ведь сейчас, понимаешь ты, дурья башка? Май!

«Утешаю тут её, а она меня же и обзывает...» — Мишка мотает головой и морщит лоб, будто сейчас рассердится, но его улыбчивому лицу трудно хмуриться. Он только становится очень серьёзным и, рубанув воздух ладонью, заявляет:

— А я заранее приглашаю. Конфиденциально! — отчеканивает он и победно смотрит на Таю.

Конечно, она этого слова не знает и только вопросительно вглядывается в Мишкино лицо своими похожими на зимний рассвет глазами.

— Ну ладно, — говорит Тая и, вздохнув, убирает смявшийся платочек. — Приду. А вообще-то — там видно будет.

— Карман оторвался, — замечает она печально, вытягивая чёрную нитку в том месте, где был пришит левый карман. Теперь он болтается безвольной мятой тряпочкой, и кажется, будто у фартука выросло ухо.

Мишка рад, что Тая заметила оторванный карман, что наконец поднялась. Потому что очень страшно успеть покачаться на качелях, сходить за мороженым, вернуться обратно и знать, что всё это время она сидит в зарослях на земле и плачет. Уж лучше пусть ругается...

Мишка взваливает на плечи свой коричневый портфель и Таин красный, с лимоном на кармашке.

— В мороженке через дорогу сегодня пломбир в вафельных стаканчиках, — говорит Мишка, ни к кому, в общем-то, не обращаясь и глядя на свой мешок со сменкой.

Тая поворачивается к нему. Лицо уже обдул ветер, и оно не выглядит заплаканным. Только серые разводы от пыли дают знать: что-то было. Тая ловит Мишкин взгляд, молча поднимает брови, и...

Они оба срываются с места и что есть сил бегут к перекрёстку.

— Э-ге-гей! — Тая стучит каблучками по асфальту, а за ней в стоптанных ботинках еле поспекает Мишка. — Э-ге-ге-ге-ге-е-ей!

— Вот чумовые! — сердится старушка с хозяйственной сумкой, когда они, хохоча, обгоняют её на узкой дорожке.

— Первая! — кричит Тая, добежав до светофора и хлопнув по нему рукой.

— Просто у меня шнурок развязался, — говорит подоспевший Мишка и улыбается, глядя в Таино счастливое лицо. Он готов бежать ещё хоть двадцать раз и тащить на себе портфели сколько потребуется.

С мороженым они пристраиваются на скамейке под каштаном. Каждый лист у него — как маленький шатёр. Разговаривать не хочется: мороженое быстро тает, и нельзя терять время. Они смотрят друг на друга и улыбаются:

— У тебя нос измазался.

— А ты волосы в мороженое обмакнула.

С мороженым покончено, Мишка степенно вытирает губы отглаженным платком и указывает Тае на жёлтую пятиэтажку, которая едва виднеется за деревьями:

— Я вон там живу.

— Да я знаю! — Тая смеётся. — Ты забыл, как мы с мамой тебя домой отводили?

И правда, Мишка забыл: они с Таей весь год ходили в одну группу заниматься танцами. Иногда бабушка просила Таину маму завести Мишку домой. Он не очень обращал на это внимание: подумаешь, девчонка из класса со своей мамой помогают бабушке, которой тяжело ходить. Ничего